

Шубин Александр

Захватим вместе: что дальше?

Задачи мирового гражданского движения

По миру катится движение «Захватим вместе!». Захватим Уолл-стрит и другие финансовые центры. Хорошо, захватим. А дальше-то что? Чем заменить мировую финансовую систему? В ответ слышатся либо очень абстрактные рассуждения, либо нечто из арсенала коммунистических идей XX века, заведомо неприемлемое для большинства нынешних протестующих и т. п.

Поднявшаяся в период кризиса волна социального и гражданского протеста не имеет ясного ответа на этот вопрос и вообще какой-то внятной конструктивной программы. А если не появится какой-то конкретный набор требований, направленный на изменение социальной структуры, то и само движение превращается в бунт, бессмысленный, хотя и не беспощадный.

Мир на распутье

Может быть, в этом нет ничего страшного? После завершения «бурных шестидесятых» на Западе сложились свои правила игры: гражданское движение, создав сетевую субкультуру, не требует принципиальных изменений социальной структуры, а просто давит на истеблишмент. И это давление делает Запад более демократичным и социально-ориентированным. Всё было бы ничего, если бы существующая с середины XX века социальная система Запада не подошла к пределу своего дальнейшего развития. И правители мира сего толком не знают, что с этим делать. Люди на авансцене мировой политики действуют довольно рефлекторно, отбиваясь от сыплющихся на них напастей. Попытки президентов, премьеров и руководителей центральных банков говорить что-то концептуальное ставят их в ещё более глупое положение. Чего стоит рассуждение Саркози о том, что нам нужен промышленный, а не финансовый капитализм. И каким образом Саркози представляет себе движение капитала без развитой финансовой системы? Молчание было ответом. Такое же, впрочем, молчание, каким на выходе оборачивается многоголосие «Захватим вместе» при попытке внятно ответить на вопрос: чем заменить современную систему власти, собственности, производства и распределения? И это не случайно: нынешнее «Захватим вместе» продолжает традицию антиглобалистского движения. А оно могло согласовать только самые минимальные требования вроде «налога Тобина» на международные финансовые сделки. И что же – это требование оказалось сейчас приемлемым для того же Саркози. Потому что ничего существенно не меняет. Оно вполне вписывается в идеологические рамки, установленные на Западе в XX веке – если население слишком недоволио своеволием бизнеса, то усиливается регулирующая роль бюрократии; если людей слишком замучили чиновники и налоги, то государственные функции передаются бизнесу. Не обществу, отметьте. Чиновники и капиталисты играют общественными ресурсами в этот бадминтон. Но из нынешнего кризиса пока не удалось выйти в рамках этой игры.

Однако и в случае с президентами, и в случае с гражданскими движениями не всё безнадежно. Западная политическая система устроена так, что за фасадом политики работают сильные интеллектуальные центры, связанные с научными кругами (то, что практически отсутствует в России, где разного рода проправительственные политологические и социологические институты являются не столько мыслительными, сколько пропагандистскими центрами). Западная элита ищет выход из положения, но боюсь, этот выход нам не понравится. Потому что на место привычного нам мира приходит система нового господства, основанного на двух китах – информационный контроль и автоматизация. Старший брат скоро будет не просто смотреть на нас, но и анализировать информацию о нас всё более эффективно. Автоматизация, включая развитие робототехники, сделает большинство людей лишними. Кстате – не только в «центре» мира, но и на его периферии, в том числе в России. Ведь новый научно-технический скачок покончит с зависимостью промышленности и быта от нефти и газа. Однако, хотя потенциал изобретений накоплен, скачок пока не происходит. Для него нужен «социальный заказ», изменение социальной структуры.

В прошлый раз такое глубинное изменение произошло в 30–40-е годы, в годы Великой депрессии и мировой войны. Уже с 60-х годов начал накапливаться потенциал новых перемен, происходили частичные трансформации, и теперь мы имеем критическую массу изменений, которая уже трудно совместима с институтами XX века. Важно ещё и то, что социальные трансформации 30–40-х годов,

возникновение социального государства и развитого индустриального общества происходили в разных вариантах: германском, советском, американском, шведском. Так и сейчас, если грянет эпоха перемен, то варианты их могут быть очень разными – от пост-индустриального тоталитаризма до электронной демократии. И вот тут как никогда важна роль гражданского общества.

Организованное общество

Противостоять установлению тоталитарного господства манипулятивно-финансовой касты может гражданское общество – сеть групп гражданских активистов. Это большая сила, только весьма рыхлая, разнородная. Однако партизанская армия может победить даже могущественного врага. Но лишь если у неё есть стратегия. Если она готова победить, а не только бесконечно воевать. Парадокс заключается в том, что результатом победы гражданского общества может стать превращение гражданского общества в модель и основу общественного устройства. Но, глядя на общественные движения, понимаешь, насколько они ещё не готовы для этого. В гражданском обществе мы видим хаотические столкновения, бурление амбиций и складывание собственных каст, манипуляцию и отсутствие внятных целей движения. Сегодняшнее гражданское общество является чуть ли не синонимом дезорганизованности. И всё же в нём – надежда на сохранение человека от поглощения новой, на этот раз виртуализированной машиной. Потому что в гражданском обществе за любым участником априори сохраняется право на участие в принятии решений и на защиту своего «я». Человек по природе своей творец, и нужно освободить его творческий потенциал. Но также необходимо, чтобы «я» было эпицентром не хаоса, «ячества», а солидарности, взаимоподдержки, демократического согласования интересов, их суммирования, а не взаимовычитания. А это – сложно, это требует экспериментов, отработки процедур. Но где ещё экспериментировать, как не в гражданском обществе. Куда хуже, когда экспериментирует государство, принуждая миллионы людей следовать его экспериментальным рецептам.

Демократические процедуры нового типа отработываются и в ассамблеях на площадях Испании и США, и при создании Гражданского совета в нынешней Москве. Вырисовывается конкретное решение проблемы демократического представительства, тесно связанного с «низами» – сочетание делегирования от нижестоящих структур и электронной демократии. Делегирование позволяет превратить принятие оперативных решений в координацию действий организованных групп. Ведь только в небольших группах, где люди непосредственно взаимодействуют друг с другом, возможно реальное самоуправление – преодоление разделения на управляемых и управляющих. Небольшие группы, где каждый может предложить свою точку зрения, и она может быть обсуждена товарищами – это базис реальной демократии. Самоуправляемые группы направляют своих представителей в координационный совет. А этот совет может направить делегатов в совет более крупного сообщества. И так далее. Такой союз союзов может стать моделью демократии и для страны в целом. Получается перевернутая пирамида власти, где низы имеют больше влияния, чем верхи.

Однако делегирование имеет свои недостатки. «Вышестоящий» уровень настолько зависим от нижестоящего, что может оказаться неустойчивым. В то же время отдельный человек в рамках этой системы активно участвует в решении только тех вопросов, которые его касаются непосредственно, его связь с центральными структурами координации опосредованная – через цепочку представителей.

Делегирование можно сбалансировать электронной демократией (ЭД), как исполнительную власть – законодательной. При ЭД все решения принимаются гражданами, и обсуждаются всеми желающими. На созданной для этого электронной площадке вы полностью распоряжаетесь своим голосом – можете отдать его кандидату, партии или просто тому решению, которое поддерживаете. И главное – не раз в пять лет, а когда хотите. Вы можете забрать свой голос у того, кто вас разочаровал. В результате «верхи», как и при делегировании, зависимы от низов. Более того, вы можете принять участие в обсуждении законопроекта, и если ваша поправка получит поддержку других участников обсуждения – она будет включена в закон, хотя вы и не депутат. При ЭД также возможно делегирование полномочий, но уже не от организованных групп, а непосредственно от гражданина тому эксперту или организации, мнение которых представляется ему наиболее убедительным.

Понятно, что в ЭД есть свои недостатки: уязвимость для внешнего вмешательства, медленное принятие решений, зависимость решения от большого множества людей, что открывает широкие

возможности для популизма и манипуляций. Впрочем, сейчас действуют несовершенные модели ЭД, и по мере развития этих технологий многие проблемы могут быть сняты или смягчены. Важная задача – упорядочение потоков информации, необходимых при принятии решений.

Во всяком случае, ЭД плюс делегирование является тем магистральным путем, который может упорядочить принятие решений в гражданском движении. А мы помним, что организованное общество – это не только противовес господствующей касте, но и модель для общества в целом. Это – альтернатива современной большой политике, где парламентско–президентская система давно выродилась в элитократию.

Итак, есть способ достичь реального народовластия, преодолеть во многом отчуждение населения от власти. Но демократия – не самоцель. Люди живут не ради того, чтобы проводить бесконечные голосования по всем вопросам мироздания и собственной жизни. Демократия нужна лишь для того, чтобы жизнь была удобнее и не отчуждалась в пользу господствующих каст, чтобы самореализация человека была как можно свободнее – настолько свободной, чтобы не разрушать собственное здоровье и не подавлять свободное развитие других людей. А значит, общество должно не только в политике, но и в других сферах следовать тем же организационным принципам, о которых мы говорили выше: самоуправление, упорядочение принятия решений снизу, принятие решений путём согласования интересов обычных людей, а не только элит. Соответственно, делегированная координация и электронные демократические системы могут использоваться не только как политическая альтернатива, но и как основа согласования экономических интересов, для установления связей между людьми, которые нуждаются в помощи друг друга. Организованное общество помогает людям взаимодействовать и защищает их от произвола.

Пять принципов будущего

Организованное общество отличается от существующих сейчас систем власти и экономики тем, что его несущие структуры не вертикальны, а горизонтальны, основаны на равноправных связях, а иерархия координации – зависима от этого горизонтально организованного базиса. Из этого вытекают основные принципы, которые могут лечь в основу конструктивной программы современного гражданского движения.

Итак:

1. **Народовластие** : принятие решений должно основываться на формуле «самоуправление + делегированная система координации самоуправляемых групп + ЭД».

2. **Социализация** : если государство не справляется с решением каких-либо задач, его полномочия должны передаваться не бизнесу, а структурам общественного народовластия и самоуправления граждан. Самоуправление, народовластие, горизонтальные сетевые связи должны формироваться повсеместно – и на местном уровне, и на предприятиях, и в других социально–экономических сферах.

3. **Социальное равноправие** : власть и ресурсы должны перемещаться от «верхов» в средний слой общества, а «нижние», бедные слои должны подтягиваться до среднего уровня с помощью общества. Этому могут содействовать демократически реорганизованные структуры социального государства, поддержания социальных стандартов. Никто не должен быть брошен обществом на произвол переменчивой рыночной судьбы. Рыночный успех и неудача могут менять положение человека в обществе количественно, но не качественно, без полной катастрофы. Если ты выиграл – можно подняться в верхи среднего класса, если проиграл – это не значит, что ты должен умереть под забором. Более того, распределение доходов между профессиями должно быть практически равным. Ведь чиновники и менеджеры нужны обществу не больше, чем учителя и, скажем, автомеханики. А сегодня они получают качественно различные доходы. Зарплаты должны зависеть от квалификации, а не от профессии. В здоровом обществе топ–менеджер, выдающийся ученый и рабочий высшей квалификации должны получать одинаковое вознаграждение. Равно как и средняя зарплата чиновника должна быть не выше средней зарплаты учителя или рабочего.

4. **Прозрачное управление** : полномочия управленцев (и чиновников, и частного менеджмента) должны быть строго определены и сведены к минимуму, любая закрытость информации должна быть строго определена в законе, принятом с помощью ЭД. Остальная информация должна быть

открыта, включая процесс прохождения и принятия документов. Только так, а не с помощью выборочных разоблачений и наказаний, можно справиться с коррупцией и произволом чиновничества и плутократии.

5. Свобода распространения информации во всех сферах, за исключением военной. Авторское право – не повод для сверхприбылей. Лучший способ борьбы с экстремизмом – не запреты на идеи, а свободная борьба идей и благополучная социальная ситуация.

К победе этих принципов – долгий путь. Их осуществление – предмет тяжелого противоборства мирового масштаба. Оно ведётся и в интернете, и в парламентах, где обсуждаются законопроекты вроде PIPA и SOPA, и в наших дворах, которые местные чиновники считают своей вотчиной, но где именно жители лучше всего знают, как и что нужно обустроить. Противник силен. И чем скорее мы начнём идти к нашим целям, тем больше людей в XXI веке проживут полноценную человеческую жизнь.